

Юнона Белова

GRAND PALACE
HOTEL

RECEPTION

ИЗМЕНА МУЖА.
ЧЕК ИЗ ОТЕЛЯ
ВЫДАЛ ВАШУ ЛОЖЬ!

Юнона Белова

**Измена мужа. Чек из
отеля выдал вашу ложь!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Измена мужа. Чек из отеля выдал вашу ложь! / Ю. Белова —
«Автор», 2026

В нашу годовщину муж потратил сто пятьдесят тысяч на номер в роскошном отеле. Не для меня. Для моей подруги. Он думал, что я проглочу измену. А когда я начала задавать вопросы, решил отобрать всё: работу, деньги, дом и даже мою репутацию. Только Максим забыл одну мелочь. Я не просто его жена. Я финансовый директор компании, которая сделала его миллионером. И я знаю, где искать пропавшие деньги. Теперь каждый его подарок любовнице станет уликой. Каждый поддельный договор — оружием против него. Но за красивыми счетами скрывается ловушка страшнее измены. Ты хотел оставить меня ни с чем, дорогой? Посмотрим, кто первым объявит о банкротстве!

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юнона Белова

Измена мужа. Чек из отеля выдал вашу ложь!

Глава 1

От холодного шампанского ныло запястье. Я зажала ножку бокала между пальцами, как скальпель, и попробовала увеличить смету на планшете свободным большим пальцем. Не получилось: строка уплывала под соседнюю. А внизу уже притихли триста гостей «Ритца». Партнёры, подрядчики, инвесторы подняли бокалы, ожидая Максима. Никто из них не собирался проверять, за чей счёт этот праздник. У них для этого была я, жена владельца.

— Алина, ты снова проверяешь смету? — голос Максима прозвучал громче, чем нужно, перекрывая гул толпы. Он стоял у микрофона, поправляя манжеты рубашки. Он улыбнулся залу и развёл руки: этот жест я знала по переговорам, после него подрядчики обычно переставали торговаться. — Оставь цифры до понедельника. Сегодня мы празднуем жизнь. И успех Киры.

Кира устроилась позади Максима. Платье цвета увядшей розы я уже видела, улыбку — тоже: с ней наша «подруга семьи» приносила счета за дизайн. Ей сегодня можно было ничего не считать.

Смету требовалось согласовать сегодня. В понедельник в неё внесут ещё что-нибудь, и придётся выяснять, кто заказал лишнее. Я уже нашла расхождение и собиралась позвать Максима к экрану, когда он заговорил в микрофон. Теперь мои цифры слышал весь зал. Смеяться над женой можно; над финансовым директором, который держит оплату, — рискованно. Он очень ловко выбрал, кем мне сейчас быть.

Калькулятор с причёской. Вот кем я оказалась перед его микрофоном. Пришлось улыбнуться — только губами. — Хорошо, Макс. Тост будет горячим. — Вот и славно, — он подмигнул мне. Зал захлопал. Кира посмотрела на меня поверх его плеча. В её глазах плясали чертята.

Она подошла к нашему столу через десять минут после начала фуршета. Бокал шампанского звякнул о мой стакан. — Ты всегда такая... организованная, Алиночка, — мурлыкнула Кира, делая глоток. — Держишь оборону бюджета так, будто нас могут ограбить прямо здесь. Это впечатляет. Немного пугает, но впечатляет.

«Пугает». Сейчас она ещё попросит Максима защитить её от моей сметы, и он засмеётся первым. Я крепче стиснула ножку бокала. Челюсть свело. Удобно было бы напомнить её «бесплатные» консультации: платить за них пришлось уже после работы. Только здесь стояли коллеги. При них надо назвать проект, а не обвинять её вообще.

— Эффективность не пугает, Кира, — сказала я ровным тоном, глядя ей прямо в декольте. — Пугает хаос. А у тебя в проекте с офисом на Тверской был полный хаос, пока мы не навели порядок. Так что да, я держу оборону. За твои же деньги.

Кира моргнула, потёрла пальцем край бокала и отошла к гостям. Я проводила её взглядом. Обычно после спора о смете мне хватало закрыть таблицу — раздражение оставалось в ней, рядом с лишними нулями. Сейчас же хотелось догнать Киру и спросить, с чего она взяла право произносить моё имя таким голосом. Алиночка. Как будто я мешала ей сидеть на собственном месте.

Карман платья завибрировал. Я прижала его ладонью: пусть доскажет. Максим говорил про годы труда и семью. Такие тосты он умел; когда звучало «мы», зал обязательно смотрел на

меня. Я подняла лицо, но телефон снова дрогнул под пальцами. Так приходили уведомления о списаниях. От банка, не из рабочего чата. Что можно покупать посреди собственной речи?

Я прижала телефон глубже в карман. Игнорировать, дослушать тост. Но пальцы уже нащупали экран. Уведомление читала, вынув край телефона и прикрыв ладонью свет: не хватало ещё привлечь Максима.

— ...мы вместе прошли этот путь, — говорил Максим, а я ловила краем глаза уведомление: «Списание средств: 150 000 RUB. Гранд Отель».

«Гранд» на набережной. Наш банкет здесь, в «Ритце»; к этой оплате он отношения не имел. Я знала цены «Гранда». Там платили и за номер, и за то, чтобы никого не интересовало, кто с тобой приехал.

Шампанское внезапно стало противным. Я поставила бокал мимо подставки и сдвинула его, оставив мокрый кружок на скатерти. Надо было выйти до того, как кто-нибудь спросит, почему я смотрю на телефон, а не на мужа. — Извините, — пробормотала я соседке слева и направилась к дамской комнате.

В дамской комнате я прошла мимо мраморных раковин, заперлась в кабинке. Села на холодную крышку унитаза и открыла банк — без чужих глаз над плечом.

150 000 рублей. Дата транзакции: сегодня. Время: 21:47. Мы вышли из ресторана ровно в 21:30. Мы ехали сюда на лимузине. В 21:47 Максим был рядом со мной. Значит, списание пришло с задержкой или номер оплатили дистанционно.

На карте открылся «Гранд» на набережной. От нашего ресторана до него недалеко. Мне вдруг захотелось поехать туда вместо банкета — пусть посмотрят на фамилию гостя, пока я стою у стойки. Но кого спросить? Пока даже имени у меня нет.

Я проверила последние цифры карты. Всё верно. Можно было ещё допустить ошибку отеля или чужую бронь, оплаченную по просьбе партнёра. Я перебирала эти версии аккуратно, как статьи расходов, и ни на одной не могла остановиться. Вчера мы обсуждали лимит именно этой карты: Максим обещал пока не тратить лишнего ради ипотеки. Сто пятьдесят тысяч. Несколько часов назад он отказался от дорогого вина за ужином.

Корпоративные брони шли через другую карту. Эту оплату он никак не назвал мне за ужином. Я ткнула в строку, надеясь открыть подробности, но банк снова показал только название отеля. Мне хотелось, чтобы за ним оказалось хоть что-нибудь приличное. Пока не получалось.

Под краном смыла тушь. На щеках остались полосы, пришлось потереть сильнее. Все будут спрашивать про глаза, а я думать про сто пятьдесят тысяч. Сняла с ресниц последнюю чёрную крошку.

Вернувшись в зал, я искала глазами Максима. Он заканчивал тост. Зал аплодировал. Я шла к нему, чувствуя себя актрисой в плохом спектакле, где забыла слова.

И тут поймала его взгляд. Максим поднял бровь. Ну что, проверила? Такой взгляд я получала, когда задерживала ему оплату из-за недостающего акта. Он ещё стоял у микрофона; я не знала, выключен ли тот. Подойди с вопросом — весь зал услышит очередную шутку о жене-бухгалтере.

Спросить его можно было прямо у микрофона. Одно название: «Гранд». Но я знала, что он сделает — улыбнётся, наклонится к моему уху, а потом громко попросит не проверять мужа хотя бы на празднике. Соседние столы услышат только вторую половину. Я остановилась на расстоянии вытянутой руки. На лице всё ещё были следы туши; сцену он выиграет ещё до моего первого вопроса.

Я промолчала. Просто кивнула ему. Улыбнулась дежурной улыбкой. Кира прошла мимо него. Задела плечом, и Максим придержал её за спину. Я стиснула планшет, едва не нажав кнопку. Она даже не оглянулась на его руку.

Он коснулся её, даже не повернув головы. Именно это я и запомнила: рука знала, где остановиться. Со мной он так обходил острый угол стола — придерживал за спину, не прерывая разговора. Пальцы Киры, её улыбка, платье могли ничего не значить. Но его ладонь не искала места. Она его знала.

Глава 2

Машина забрала нас с корпоратива около полуночи. Лимузин был теплым, кожаный салон пах новым автомобилем и мужским одеколоном Максима. Без музыки слышалось, как он проводит ладонью по галстуку. Я смотрела в окно, чтобы не следить за этой рукой.

— Почему ты такая тихая? — спросил Максим, ослабляя галстук. — Весь вечер ходила как в воду опущенная. Голова болит? Устала от этих лицемеров?

Он ждал ответа. В салоне нельзя встать и отойти, как за столом; слушать его версию придётся всю дорогу. Мне хотелось сначала увидеть чек, не получить ещё одно объяснение моего настроения. — Устала, — солгала я, глядя в тонированное окно. — Слишком много людей. Хочется домой.

Максим хмыкнул и поцеловал меня в висок. Ему подошла моя усталость. Прижаться к нему в ответ я не сумела, осталась смотреть в окно. Он этого не заметил — или не захотел замечать. Здесь, в тесном салоне, я ещё не готова была начать разговор, после которого придётся решать, куда ехать вместо дома.

Дома я задержалась под душем. Максим уже спал, когда вернулась: одеяло сбито у ног, рот приоткрыт. Обычно его храп раздражал меня. Сегодня хорошо, что храпит. Иначе за свет телефона пришлось бы оправдываться.

Но мне не спалось. Я лежала рядом и ждала паузы в храпе. Максим втянул воздух, перевернулся — я успела убрать руку с тумбочки. Опять захрапел. Только тогда взяла телефон и повернула его к себе, прикрыв экран краем одеяла. После банкета в ушах ещё гудело; каждый шорох простыни казался слишком громким. Если он проснётся, я вряд ли сумею спросить только о платеже. Открыла календарь. Перешла на дату транзакции. Сверила время. 21:47. Мы вышли из ресторана в 21:30. Ехали двадцать минут. В момент списания денег мы были в машине. Само уведомление не говорило ни о времени заезда, ни об имени гостя.

Подождите. Я открыла семейную геолокацию, которую Максим сам настроил два года назад, когда купил новый айфон. Для безопасности, сказал он тогда. Чтобы можно было найти потерянный телефон.

Точка Максима стояла дома, рядом с моей. Истории заездов приложение не показывало. Телефона Киры на семейной карте вообще не было.

Я несколько раз обновила экран, хотя ответ не мог измениться. Хотелось получить маршрут, имя, номер комнаты — хоть что-нибудь, что нельзя отмахнуть словом «паранойя». Вместо этого были только списание и его рука на её спине.

Для обвинения мало. Для сна рядом с ним — слишком много.

От мысли о сегодняшнем ужине перехватило дыхание. На ужине в честь годовщины я сама попросила счёт, проверила сумму и велела оплатить с корпоративного. Максим подождал, пока я закончу, — ему всегда нравилось, что со мной можно не думать о деньгах. За ужин, за лимузин, за банкет я отвечала; о чужом отеле мне сообщал банк. Даже сегодня он оставил мне всю привычную работу. И я её сделала.

Стоило сдать баланс, и у него появлялось время на Киру. Я сидела над расходами, а он решал, какую мою работу можно потратить на неё. Теперь меня интересовал каждый платёж.

Максим спал, положив ладонь под щеку. Мне всё ещё нравилась эта ямка у рта; раньше я целовала его туда, пока не проснулся. Сейчас смотрела и злилась: надо бы отвернуться, а я помню, как он от такого поцелуя улыбался. Я увеличила яркость экрана и сразу убавила: свет падал ему на лицо. Максим даже не пошевелился. Мне вдруг стало важно сохранить строку списания, пока он не придумал для неё объяснение. Прежде чем спорить с ним, я должна точно знать, о чём спрашиваю.

Он может снова назвать меня своей дотошной женой. Пускай. По работе я умею искать расхождения, а выписка уже открыта. Проверю всё, что он отмахнулся шуткой. Спрашивать разрешение у спящего Максима не требуется. Он и так слишком долго решал, какие вопросы мне можно задавать.

Я лежала рядом с человеком, который только что продал нашу любовь за цену номера люкс, и поняла: если я хочу получить свои деньги обратно, мне нужно перестать быть женой и стать аудитором.

Утро пахло свежесваренным кофе и ложью.

Максим поцеловал меня в макушку. Семь лет я слегка пригибалась ему навстречу; сегодня наклонилась к плите, проверяя огонь. Он успел коснуться губами волос и пошёл за портфелем. Хотелось потерять макушку. Вместо этого я поправила конфорку — слишком сильно, кофе едва не убежал. Максим был ещё в прихожей, и я удержала турку над плитой, дожидаясь, когда осядет пена. Только бы ушёл. Потом можно вымыть волосы, вылить кофе, хоть открыть все окна. Пока надо налить ему чашку, чтобы не вернулся за ней ко мне.

— Ты странная сегодня, — бросил Максим, застегивая манжеты рубашки. В зеркале прихожей я видела, как он одёрнул пиджак, повернулся впол оборота. Тридцать пять лет, владелец «СтройГрада», хорош с любого ракурса. Даже спрашивая обо мне, он успел проверить, как сидит костюм. — Выспаться не удалось?

— Работа, — соврала я ровным голосом CFO. — Квартальный баланс горит.

Он вышел с портфелем. Я дождалась щелчка замка и поставила кружку в раковину. В стекле окна отражалась моя голова; смотреть на лицо пока не хотелось. Умыться? Допить кофе? Всё ненужное. Надо открыть банк, пока он в дороге и не требует отчёт. Пальцы соскользнули с ручки кружки. Я оставила её в раковине, не стала мыть.

Я села за ноутбук и открыла приложение банка. Личный счет Максима был подключен к моему для оплаты коммунальных и общих расходов — жест доверия, который теперь выглядел как дыра в безопасности.

Транзакция висела перед глазами. Отель «Гранд». Сумма: 150 000 рублей. Дата: вчера. День нашей годовщины.

Вчера я смотрела на эту строку в тесной кабинке, потом в тёмной спальне. Сейчас передо мной была ровная таблица на большом экране. Отель никуда не исчез. Я провела курсором от даты к сумме, словно так можно было поймать опечатку. Нет, все нули на месте. Оставались подробности операции.

В истории операций оказалось ещё меньше, чем я ожидала. Сумма и категория продавца. Никакого имени, номера, времени заезда. Рабочую оплату с такими данными я вернула бы бухгалтеру: найди чек. Но сейчас чек надо искать мне самой.

Пальцы дрожали, когда я набирала номер поддержки банка.

— Добрый день, служба поддержки, чем могу помочь? — механический женский голос звучал слишком бодро.

— Мне нужна детализация транзакции по карте клиента, завершившейся на 8912. Запрос от держателя карты.

Пауза. Шуршание бумаги.

— Извините, но предоставление полной детализации возможно только по запросу правоохранительных органов или при наличии нотариальной доверенности от владельца счета.

— Я его жена. У нас общий бюджет.

— Простите, семейное положение не является юридическим основанием для доступа к конфиденциальной информации о конкретных операциях третьего лица.

Я ещё держала телефон у уха, когда оператор отключилась. Хотелось перезвонить и спросить, зачем же мне разрешали просматривать его счёт в нашем общем бюджете, если сегодня я вдруг третье лицо. Но ответ я знала. Просматривать доступные расходы — одно; требовать

чужие документы — другое. Максим оставил мне ровно столько доступа, сколько нужно, чтобы я вовремя платила за свет и воду.

Телефон завибрировал на столе. Ватсап. Общий чат «Друзья и семья».

В чате появилось вчерашнее фото с Кириного праздника. Я его уже видела, но утром открыла снова: голова запрокинута, рука у Максима на плече. Ногти у неё того же цвета, что помада. Я вспомнила, как они блестели над нашим столом, когда она звала меня Алиночкой. Подпись осталась прежней: «Лучший босс и друг! Спасибо за праздник *эмодзи сердечко*».

Комментарии посыпались мгновенно. «Как пара!» «Максим, ты всегда такой щедрый» «Кира, сияешь!»

Я приблизила фотографию. Его пиджак под её пальцами собирался в мелкие складки; таким я его и принесла вчера из гардероба. Внизу уже добавлялись сердечки. Напиши я хотя бы «пожалуйста», получится, что муж подарил чужой женщине праздник, а я должна сделать вид, что рада. Напиши что-нибудь другое — весь чат будет обсуждать мой характер. Палец завис над полем ответа. Я убрала его.

Я вышла из чата, не ответив. Писать там о номере в отеле нельзя: Кира покажет Максиму раньше, чем я получу подробности. Пусть продолжает собирать сердечки. Каждая её подпись останется, а удалить мой вопрос ей сейчас не удастся — его нет.

На третий этаж к Игорю Петровичу я поднялась с планшетом. Он сидел дальше всех от кабинета Максима, но это мало помогало: на прямой вопрос обычно отвечал «уже согласовано». Сегодня мне понадобится имя согласовавшего, а не эта удобная фраза.

— Отчет о командировочных расходах за прошлый месяц, — я положила планшет на стол, не садясь. — Нужно сверить акты перед квартальным балансом.

Игорь Петрович дернулся. Он был маленьким, сухим человечком с вечной испариной над верхней губой.

— Алинка... э-э... Алина Сергеевна, — он начал теревить карандаш. — Все закрыто. Акты подписаны. Расходы согласованы.

— Конкретнее, Игорь Петрович. Отель «Гранд». Платёж на сто пятьдесят тысяч. Кто был инициатором?

Карандаш хрустнул. Одну половинку он прикрыл ладонью, словно теперь за неё придётся отвечать. Я смотрела на другую и ждала ответа про платёж.

— Это... пакетные документы. Командировка в Москву. Оптимизация налогов через... через партнерскую сеть.

Я повернула планшет экраном к нему. — «Гранд», Игорь Петрович. Вот сумма. А теперь мне нужны дата заезда и имя гостя. Посмотри в своём реестре.

— Я не помню деталей, Алина Сергеевна! Документы подавались общим реестром! Максим Валентинович сказал, что это рутинная проверка контрагентов!

Он подвинул ко мне стул. Я придержала спинку, оставила его между нами и вернула планшет на край стола: пусть ищет у себя, а не читает мою выписку по второму кругу.

— Платёж с личной карты, Игорь Петрович. Ты сейчас назвал его командировкой. Тогда найди, кто ездил. Я подожду.

Игорь Петрович потёр верхнюю губу. Он боялся назвать инициатора, и я уже догадывалась какого. Но его догадку нельзя вложить в отчёт. Нужен оригинал.

— У вас есть час, чтобы найти оригиналы, — сказала я тихо. — Или я найду их сама. Через суд.

Я вышла, не убрав планшет в сумку. Через час сюда вернусь. Пусть ищет реестр, а не возможность пересказать Максиму, как я нервничала.

Глава 3

Вечером Максим вернулся с цветами. Белые лилии. Крупные, ароматные, с тяжелыми лепестками. Он положил букет на кухонный остров, где мы завтракали, и улыбнулся той самой улыбкой — широкой, обаятельной, располагающей.

— Видел, как ты хмурилась утром, — сказал он, подходя ближе. — Решил, что тебе нужно немного красоты. Для души.

Я взяла букет. Срезы стеблей были мокрыми и липкими. Лилии. Любимые цветы Киры. Я видела их в сторис дизайнера месяц назад. «Мой идеальный интерьер начинается с идеальных цветов», — писала она.

У лилий был такой сильный запах, что его одеколон пропал. Я вспомнила Кирину фотографию с таким же букетом и тут же разозлилась на себя: теперь любое растение придётся свертывать с её страницей? Максим ждал благодарности, держа руки на кухонном острове. Ни словом не спросил, отчего я утром была странной. Цветами он уже считал вопрос закрытым.

— Спасибо, Макс, — улыбнулась я. — Очень красиво.

Лилии поставила в вазу. Максим ещё стоял рядом; выбросить букет означало начать ссору, к которой я не готова. Можно было хотя бы отодвинуть вазу, чтобы меньше пахло. Это он счёл бы заботой о цветах.

Ночью я лежала на спине, не касаясь Максима. Он занял половину кровати и храпел. Мне хотелось вылезти, но надо было пройти мимо его ног. Пока хватало терпения лежать у края и смотреть в потолок.

Тишину нарушила вибрация. Телефон Максима лежал на стуле поверх брошенного пиджака. Экран светился в темноте спальни синим холодным светом.

Жужж-жужж.

Я слушала храп. Пока дышит так, можно повернуть голову. Телефон близко, но поднимать его нельзя — Максим заметит движение рядом со стулом.

Я медленно повернула голову. Пальцы скользнули по ткани простыни, пробираясь к краю кровати. Я не брала телефон. Я просто смотрела.

Уведомление вспыхнуло и погасло. Но я успела прочитать.

Кира: Ты забыл рубашку здесь. Приедешь?

Рубашка. Здесь. Не у нас дома. У неё.

Я лежала неподвижно, пока экран не погас. Забытую рубашку можно объяснить как угодно: гостями, работой, неожиданным дождём. Но «приедешь» не звучало как рабочее поручение. Кира писала ночью и ждала его. Из всего сообщения мне мешало дышать это короткое слово.

Я закусила кулак и отвернулась к стене. Вскочить, растолкать его, сунуть в лицо телефон — я представляла всё это сразу. А потом его сонный ответ: какая рубашка, Алина, спи уже. Пока мне оставалось это слово «приедешь», и я не хотела отдавать его ему на объяснение.

Утро следующего дня началось с химчистки.

Я собирала вещи Максима, которые он носил на вечеринку и в офис. Брюки. Пиджак. Рубашки. Автоматизм движений помог не сойти с ума. Карманы. Один за другим.

В заднем кармане брюк, глубоко в подкладке, пальцы наткнулись на твердый предмет. Свернутая трубочкой бумага.

Чек.

Я развернула его на свету. Бумага была тонкой, термической. Чернила слегка смазаны от пота.

Отель «Гранд» Номер: 704 (Люкс) Заезд: накануне нашей годовщины Выезд: в день нашей годовщины, 11:00 утра Гость: М. Ветров Итого: 150 000 руб.

Время выезда — 11 утра. В день годовщины. Когда Максим должен был быть в аэропорту на пути к клиентам в Новосибирск.

Я разгладила чек ладонью и поднесла ближе к окну. Сто пятьдесят тысяч — как в банке. Дата та же. Рядом с печатными строками узнала его почерк и машинально провела по нему пальцем. Он держал эту бумагу в руках, потом сунул в брюки. Принёс домой ко мне.

Утром он должен был быть в аэропорту, вечером сидел напротив меня в ресторане. Время выезда из отеля совпадало с его якобы вылетом. Я читала время выезда и пыталась вспомнить его звонок из «аэропорта». Как он торопил меня с разговором, обещая всё рассказать за ужином. Он и рассказал — про пробки, усталость, цены на билеты. Про номер 704 не сказал ни слова.

Мы должны были праздновать годовщину. Мне отвели вечерний ужин. Остальной день, судя по чеку, я знать не должна была.

Бумагу надо вернуть точно в тот карман. Если он заметит пропажу, объяснять придётся мне. Проверила сгиб, сложила по прежней складке. Руки уже слушались.

Я заглянула в спальню. Максим спал, разметав руки. Лилии оставались на кухне, чек — в моих руках. Пока всё так, он не станет спрашивать, чем я занималась утром. У меня есть время. Я постояла в дверях, проверяя, не проснулся ли он, и вернулась к вещам.

Я уже знала, где лежит чек, сколько на нём нулей и как его сфотографировать, не разбудив Максима. Всё это было до смешного мало по сравнению с тем, что я хотела сделать. Но это было моё. Он ещё мог спорить с моим настроением. С двумя фотографиями документа — пусть попробует.

Он думает, что я верю в любовь, — подумала я, аккуратно кладя чек обратно в карман, но сначала сфотографировав его на телефон. — Пусть верит дальше. Я начинаю верить только в цифры.

Перед стойкой «Гранда» я поправила пиджак. Внутри хорошо охлаждали воздух; на улице я вспотела, теперь рубашка липла к спине. Платёж с карты Максима уже проверен: сто пятьдесят тысяч, в день годовщины. Чек найден. Осталось выяснить, кто жил в номере. Я оглянулась на вход. Уйти можно прямо сейчас, никто не спросит, зачем приходила. Завтра снова буду представлять, как он здесь расплачивался. Нет, раз уж дошла, надо обратиться к администратору.

У стойки стояли люди. Я дождалась своей очереди и спросила про номер семьсот четыре. Администратор не отвёл взгляда от монитора; ответил туда же, мимо меня. — Имена гостей конфиденциальны, — бросил он механически, продолжая печатать. Я не стала давить или просить. Это бы вызвало скандал, а скандал привлёк бы внимание охраны. Вместо этого я достала телефон, открыла корпоративную почту и включила запись экрана, делая вид, что проверяю входящие. — Знаете, — сказала я громко, достаточно, чтобы услышал его коллега рядом, — у нас тендер на ремонт вашего лобби через месяц. Если уровень сервиса так же непрозрачен, как ваши ответы, боюсь, мы будем вынуждены пересмотреть условия договора. Мне нужно убедиться, что система бронирования работает корректно, прежде чем передавать данные для аудита безопасности. Я произнесла «тендер» и посмотрела не на администратора, а на его коллегу. Пусть решают вдвоём, кто будет отказывать. Сама я в этот момент боялась услышать вопрос о номере договора: никакого договора у меня не было. Но он уже убрал руки с клавиатуры и выпрямился. До этого смотрел на часы; теперь — на меня. — Простите, пожалуйста, — пробормотал он, быстро переключаясь на базу данных. — Номер семьсот четыре... заселён сегодня в два часа дня. Гость зарегистрирован как... Максим Ветров. Сначала я не поняла, что он сказал «сегодня». Ещё одна бронь. Максим снова вернулся сюда, пока я перебирала его брюки для химчистки. Я повторила про себя фамилию, чтобы не переспросить вслух. Ветров. Тот же, что на чеке у меня в сумке. — Спасибо, — кивнула я, пряча телефон. Я сжала

свободную руку в кулак до боли в костяшках. Ошибка банка исключена. Это свидание. Или праздник. Или то и другое сразу.

Глава 4

В лифте я увидела себя со всех сторон. Укладка держалась, лицо выдавали круги под глазами. Я зря столько времени возилась с волосами — в номере никто не должен меня увидеть. Цифры этажей сменялись, я ждала седьмую. Двери открылись, и пришлось шагнуть назад: Кора. Секретарша Максима. Она стояла у лифта с планшетом в руках, явно кого-то ожидая. Увидев меня, она вздрогнула так сильно, что выронила планшет на ковёр. — Алина Сергеевна? — её голос сорвался. — Что вы... Она потянулась за телефоном, лежащим в кармане пиджака. Я знала этот жест. Сейчас будет звонок Максиму. Сейчас начнётся кошмар объяснений. Я шагнула вперёд, перехватывая её запястье раньше, чем она успела коснуться устройства. Я держала её за запястье поверх манжеты. Она попыталась вывернуть руку; мне пришлось перехватить ближе к ладони. Это было некрасиво, по-уличному. Но дать ей ещё секунду означало предупредить Максима прежде, чем я увижу номер. — Кора, — произнесла я тихо, глядя ей прямо в глаза. — Ты сейчас предупредишь его, и я буду знать, кому он доверяет больше финансового директора. Готова потом объяснять мне эти счета? Она побледнела ещё сильнее, губы задрожали. Телефон остался в кармане. — Я... я ничего не видела, — прошептала она. — Отлично. Иди работать. Кора подобрала планшет и пошла к углу. Я смотрела ей вслед, ожидая, что она всё-таки достанет телефон. Нет. Только когда она скрылась, удалось разжать пальцы. Под манжетой у неё останется красная полоса. Я никогда раньше не хватала сотрудницу за руку — теперь это тоже предстояло помнить, а не объявлять себя невинной.

До семьсот четвёртого пришлось пройти весь коридор. У окна горничная протирала стену, а дверь номера была закрыта. Я приблизилась медленнее: спросишь неудачно — она позвонит на стойку. Тут же вспомнят наш разговор. Нужно, чтобы она сама решила помочь. — Извините, — начала я, подходя ближе. — Я забыла здесь важный контракт. Сумма сделки зависит от того, успею ли я забрать документ сейчас. Компания потеряет миллионы. Горничная покачала головой, виновато опустив взгляд. — Номер занят, госпожа. Гость просил не беспокоить. Я не могу открыть дверь без него. «Не беспокойте». Классическая фраза тех, кто прячет концы в воду. — Послушайте, — я понизила голос, добавив в него нотку отчаяния, граничащего с истерикой. — Там подписанный акт приёма. Если я не заберу его через десять минут, мой директор уволит и меня, и вас за халатность персонала. Вы хотите потерять работу из-за чужой забывчивости? Горничная перестала тереть стену. Я увидела в её руке ключ и уставилась на него, пока она смотрела на дверь. Хотелось повторить про миллионы, но ещё одна угроза могла всё испортить. Я уже кивала, пока она смотрела на дверь: да, я согласна, только откройте. — Только на секунду, — прошептала она и повернула ключ в замке. Щелчок. Дверь приоткрылась ровно на щель. Достаточно, чтобы протиснуться внутрь, но недостаточно, чтобы заметить вторжение со стороны коридора, если вдруг кто-то выйдет.

В спальне стоял кофе и пахло пионами. Для меня Максим их не покупал, знал, что терпеть не могу. На столике оставили недоеденный торт. Я наклонилась прочитать надпись и увидела имя: «С Днём Рождения, Кира». У крема на краю подсохла корочка. Они ели его здесь, в этом номере; праздник продолжается без нас, без нашего общего чата и показательных улыбок. Земля ушла из-под ног. Пять лет брака, семь лет вместе. Мне он обещал ужин; для Киры заказал номер, цветы, торт. Календарь не подвёл — её день рождения всегда рядом с нашей датой. Просто теперь я вижу, кому он отдал праздник. Я чуть не схватила коробку. Так хотелось размазать её содержимое по стене, чтобы он вошёл и сразу понял, кто был здесь. Но сначала фотографии. Торт, открытка, чек, свернутый на столе в трубочку. Расправлять надо осторожно — термобумага. Я навела камеру на дату, время, сумму. Крем пока оставался на своём месте. Снимок чека не получался: камера всё время цеплялась за коробку торта. Я опустила телефон, вытерла щёку и снова навела объектив. Надпись с именем Киры осталась на краю кадра. Меня

вдруг устроило это соседство. Пусть рядом с суммой будет видно, кому купили праздник. Одну слезу я могла стереть. Сохранённую фотографию уже не собиралась удалять.

И тут я услышала звук. Из ванной донёсся плеск. Я замерла: там кто-то был? Или горничная оставила кран? Я обернулась к выходу. Если здесь Максим, он первым спросит, как я вошла. И будет прав — о горничной говорить нельзя. Но плеск повторился. Пока никто не вышел из ванной, я ещё могла заглянуть сама. Если Кира здесь, значит, я найду её. Значит, увижу лицо той, кто разрушает мою жизнь. Я резко толкнула дверь ванной. Пусто. Раковина мокрая. На полке лежал влажный ватный диск с остатками тонального крема и помады цвета «спелая вишня». Запах шампуня — сладкий, фруктовый, тот самый, который Кира использовала на прошлой вечеринке. Кран подтекал. Значит, плеск я слышала зря. Но мокрый диск кто-то бросил недавно. Мне казалось, ещё секунду назад она стояла здесь, перед этим зеркалом. Я достала из косметички пинцет, подняла диск за чистый край и убрала в пустой пакет из сумки. Никакой эксперт не назовёт по помаде женщину. И всё же оставить эту вещь здесь я не смогла. Я проверила застёжку пакета: закрыта. Не хотелось испачкать этим диском документы.

Телефон в кармане завибрировал. Экран осветился именем «Муж». Я вышла в номер, закрыв за собой дверь ванной. Взглянула на часы. Прошло двадцать минут с момента входа. Слишком долго. Приняла звонок. Поднесла трубку к уху, не говоря ни слова. — Алина? — голос Максима звучал раздражённо. Требовательно. Как у начальника, который ждёт отчёта. — Где тебя носит? Ты проигнорировала три звонка. — Я была в отеле «Гранд», — произнесла я ровным, ледяным тоном. Специально выделила название вслух, четко артикулируя каждый слог. Пауза. Он молчал, хотя только что требовал ответа. Я удержалась от пояснения: прежде сама заполнила бы эту паузу. Сегодня пусть спросит, зачем я здесь. — Встреча с поставщиками затянулась, — продолжила я, наблюдая за своим отражением в зеркале комода. — Нужно было проверить качество услуг. — Зачем тебе отель «Гранд»? — спросил он, и в его голосе проскользнула нота, которую я раньше не слышала. Не злость. Тревога. — У нас есть другие площадки. Ты ведёшь себя странно, Алина. Паранойя снова взяла верх? Ты подозреваешь меня в чём-то? Вот и добрались до моей паранойи. В трубке он произносил это слово так же, как дома говорил «сахар закончился»: надо просто исправить неприятную мелочь. Я посмотрела на торт. Если сейчас расскажу про него, Максим узнает, что я вошла в номер. Про торт я промолчала. — Просто работа, Максим, — ответила я. — Цифры должны сходиться. Всегда. Я положила трубку, не дожидаясь ответа, и вышла из номера. Внизу прошла мимо стойки, не поворачивая головы. Только сев в машину, посмотрела на пакет с ватным диском на пассажирском сиденье. Впервые за эти дни я почувствовала не боль, не унижение, не страх. Азарт. Телефон всё ещё был тёплым от разговора. Я положила его рядом с пакетом. Максим не спросил, как прошла встреча с поставщиками; его интересовал только отель. Значит, название он узнал мгновенно. Мне не пришлось ни повторять, ни объяснять, где это. Я запомнила и его паузу, и то, как быстро вслед за ней начались вопросы ко мне. И я считала. Время звонка тоже останется в телефоне. Я сопоставлю его с чеком, с фотографиями, с его командировкой. После этого он может сколько угодно спрашивать, почему я ревную. Мне будет что ответить кроме слёз.

Глава 5

Пятая годовщина осталась позади. В тот день наш ужин затерялся между рестораном и чужим праздником. Теперь Максим обещал наверстать. При свечах. В спальне.

Бордовое платье Максим подарил на Рождество. Я застегнула его в ванной и ещё раз проверила молнию. Одеколоном пахло даже от меня: мы слишком близко стояли, пока он торопился с вином. Переодеться захотелось сразу. Но он обещал ужин при свечах, и мне надо досмотреть, как он собирается его устроить.

Он открыл мерло, своё «классическое, простое». Бутылку даже обсуждать не предложил. Раньше я не замечала, как часто за этой любовью к простоте стояло готовое решение, которое мне оставалось только принять.

Мы чокнулись у края кровати. Бокал был холоднее вина, запотел под пальцами. Я не стала пить сразу: сперва надо было задать вопрос, который сюда совсем не подходил.

— Знаешь, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал мягко, без обвинений. CFO не кричит. CFO указывает на расхождения. — Я вчера смотрела выписку по твоей карте, подключённой к общему бюджету. Там была странная транзакция. Отель «Гранд», номер люкс. Дата совпадает с нашей годовщиной, но сумма... она списана не с корпоративного счета.

Он допил глоток и поставил бокал. На тумбочке уже было приготовлено место, и я почему-то заметила именно это. Ни движения навстречу мне, ни попытки спросить, какую оплату я имею в виду.

— Ошибка банка, — сказал он. Голос ровный, почти скучающий. — Ты снова сушишь голову из-за мелочей, Алина. Я строю нам будущее, а ты считаешь копейки в чужих карманах. Тебе нужно меньше думать о цифрах и больше отдыхать.

Я смотрела на отпечаток его губ на бокале. «Чужие карманы». Он ведь говорил про счёт, с которого мы платили за дом. Надо было переспросить именно это, но тогда он потащит разговор к моей работе. Я оставила фразу при себе. К ней ещё можно вернуться.

Чек уже был сфотографирован. Сам он лежал там, где Максим привык его забывать. Спорить сейчас означало дать ему время придумать, откуда в брюках гостиничная бумага. Я сделала маленький глоток вина и вслух сказала только:

— Ты прав. Наверное, я устала.

Он улыбнулся и подался ко мне. Про ошибку банка больше ничего не сказал. Моего «устала» ему хватило вместо проверки.

— Давай забудем про бухгалтерию, — предложил он, придвигаясь ближе. Его рука легла на мою талию. Тяжелая, влажная ладонь. — Сегодня только мы. Романтика. Домашний уют. Никаких отчетов.

Я смотрела на его ладонь у себя на талии. Ещё минуту назад он назвал мои деньги чужими, а теперь ждал, что я придвинусь к нему.

— Мне нужно проверить срочный отчет по строительству моста, — сказала я, отстраняясь. Его рука соскользнула с моей талии.

Максим убрал ладонь и взял бокал. Я заметила, как крепко он держит ножку: вино качнулось к краю. Сейчас он мог назвать меня холодной, испортить вечер, вынудить извиняться. Мне нужно было встать раньше этого разговора.

— Сейчас? После такого вечера?

— Если не сделаю сейчас, завтра будет просрочка. Штрафы. Ты же знаешь, как это влияет на репутацию компании. Твоей компании.

Я встала. Каблуки стукнули по паркету. Этот звук был громче всех слов, которые он произнес за вечер.

— Ладно, — бросил он в пустоту. — Но не засиживайся там до утра. Я хочу спать рядом с женой, а не с призраком работы.

Я вышла в кабинет, захлопнув дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

В кабинете я так и не открыла отчёт. Сидела у чёрного экрана и слушала квартиру. В первый час ещё хотелось вернуться, потребовать разговора. Потом перестала считать, сколько сижу. Никаких цифр от этого вечера уже не прибавилось.

Вдруг тишина дома нарушилась шорохом. Из гостиной.

Шорох повторился. Максим не лёг. Если позвать, он скажет, что ждёт меня. Я встала тихо: надо узнать, почему он в гостиной, прежде чем покажусь в дверях.

Туфли остались в кабинете. По холодному полу я дошла босиком до гостиной. В приоткрытую дверь падал свет; остановилась, не наступая на освещённый участок.

Максим сидел под настольной лампой с телефоном у уха. Он говорил тихо, но я слышала слова. Прежде мне достаточно было услышать его голос из гостиной, чтобы спокойно вернуться в кровать.

— Она ничего не поймет, — говорил он. Его голос звучал низко, хрипло. От этого звука меня замутило. — Она слишком устала. Слишком заиклена на своих цифрах. Ей удобно верить, что я работаю. Пусть работает дальше.

Пауза. Смех. Короткий, сухой.

— Нет, Кира, не сегодня. Завтра. Я скажу ей, что улетел в Питер. Она проверит билеты. Я подброшу фальшивые чеки через помощника. Она не заметит. Она всегда пропускает детали, если они не касаются ее собственного эго.

«Она не заметит».

Я упёрлась пяткой в край ковра. Ещё шаг — и полоса света из гостиной коснётся стопы. Слышать остальное уже не хотелось, но отойти я не могла: надо знать, какие именно бумаги он собирается подложить. Помощник. Билеты. Питер. Я повторяла эти слова без звука, чтобы утром не решить, что всё приснилось.

Это было не предательство. Это было презрение.

Я могла поверить в его увлечение другой женщиной, как бы мерзко это ни было. Но он сейчас обсуждал, как дать мне фальшивые чеки. Они оба знали, что я полезу проверять, и заранее готовили, что показать. Даже моя работа для них стала частью этой шутки. Я смотрела на его тапочку у кресла и хотела наступить на неё со всей силы.

Я отступила от двери. В спальне легла лицом к стене и сунула руки под одеяло. Войти туда сейчас означало забыть и Питер, и чеки, и помощника; останется только крик. Я повторяла услышанное, пока в гостиной не стало тихо.

Утром пришлось щуриться. Я ещё лежала, проверяя, помню ли ночные слова, когда из кухни запахло тостами.

Максим был на кухне. Если спросит про работу, отвечу про отчёт. Я приготовила эту фразу заранее, чтобы не выговорить вместо неё имя Кире.

— Доброе утро, солнце, — сказал он, оборачиваясь. На нём была вчерашняя рубашка. Я узнала складку на манжете — никак не могла разгладить. Хотелось увидеть там пятно, любую неопрятность; зря столько возилась.

— Привет, — ответила я. Голос хриплый после бессонной ночи.

— Хорошо спала? — Он задержался у стола, ожидая. Я вдруг ясно представила, как отвечаю: прекрасно, пока ты говорил с Кирой. Губы сами сжались.

Пришлось посмотреть на него, иначе заметит. Я попробовала улыбнуться. Улыбка вышла утренней, сонной — пусть такой и считает.

— Спала как убитая, — солгала я. — Ты был прав. Мне нужно меньше думать о цифрах. Голова совсем не варит.

Максим вернулся к кофе. Значит, мой ответ подошёл. Он уже отмерял мне бодрость крепостью напитка, про вчерашнюю выписку не вспоминал.

— Вот и славно, — сказал он, ставя передо мной кружку. — Кофе крепкий. Тебе надо взбодриться. Сегодня важный день.

Я взяла кружку. Рука дрогнула.

И тут на столешнице, рядом с его тарелкой, лежал телефон. Экраном вверх.

Зазвенело уведомление. Instagram. Фотография.

Новый ковер. Ручной работы. Бежевый, с геометрическим узором. Подпись Киры: «Для нашей мечты. Жду не дожусь, когда он ляжет в центре зала. @maksim_architect».

В уведомлении был виден снимок.

Я протянула ему салфетку. Медленно. Чтобы он не видел моих глаз.

Кофе расплескался. Темное пятно поползло по белой скатерти, как кровь по ране.

— Черт, — пробормотал Максим, доставая влажные салфетки. Он тер ткань, морщась. — Аккуратность — твоя слабая сторона, Алинка. Столько лет вместе, а ты все роняешь вещи.

Слабая сторона.

Он продолжал тереть скатерть, хотя кофе уже впитался. Я подала ещё салфетку и услышала, как громко собственные ногти стукнули по столу. Теперь любое моё движение годилось ему в доказательство: роняю, проливаю, нервничаю. Пятно ещё можно было промокнуть. Его вывод обо мне был приготовлен до завтрака.

Я промокнула пятно. Пальцы перестали дрожать.

— Прости, — сказала я. — Больше не повторится.

Он поднял глаза. Усмехнулся.

— Ладно. Иди пока одевайся. Я в душ.

Как только он вышел, я схватила его айфон. Я ввела знакомый код: он его ещё не сменил. Он часто оставлял телефон на тумбочке, будучи уверенным, что я никогда не посмею его трогать. Что я не имею права.

Открыла браузер и историю поиска. Палец скользнул дальше, пришлось вернуть список: сначала прочитать, потом закрывать.

В поисковых запросах я увидела:

«развод без раздела имущества» «алименты при измене жены» «как вывести активы через офшор» «доказательства эмоциональной нестабильности супруга для суда»

Я поставила ладонь на стол. Под пальцами ещё было влажно после кофе; вытирать теперь некому. Прочитать список до конца важнее.

Про измену жены я прочитала дважды. Значит, он собирался искать её у меня. Не ограничиться разводом, а сделать так, чтобы в бумагах виноватой оказалась я. Я вернула экран к предыдущей строке — про активы — и задержала палец над ней. Сегодняшний разлитый кофе внезапно перестал быть мелкой неловкостью. Его можно будет пересказать рядом с «эмоциональной нестабильностью». Всё сойдётся, если я оставлю ему право рассказывать.

Я быстро закрыла браузер. Положила телефон ровно там, где он лежал. Угол к углу.

Угол я проверила ещё раз. Сама дрожала, а аппарат должен лежать, как прежде. Шум воды ещё слышен. Эти несколько минут — мои.

В конце коридора работал душ. Можно было остаться на кухне и ждать его одетым. Но я пошла туда: хотелось услышать, что скажет теперь.

Глава 6

Я вышла из кухни. Шаги были бесшумными.

Когда я вошла в ванную, он стоял у зеркала, вытирая лицо полотенцем. Мокрый, розовый от пара. Запах шампуня — тот самый, который я покупала ему полгода назад, «для чувствительной кожи головы».

Он увидел меня в отражении. Улыбнулся. Тепло. Почти искренне.

Подойдя сзади, он обнял меня за талию. Его грудь прижалась к моей спине. Горячая кожа сквозь ткань платья. Он наклонился, целуя шею. Влажно. Долго.

— Я люблю тебя, — прошептал он в ухо. Голос вибрировал в черепе. — Мы справимся со всеми проблемами вместе. Просто будь рядом. Будь моей.

Я посмотрела в зеркало. Почувствовала запах его кожи. Солёный. Muskusный. Чужой.

В зеркале я видела и его лицо, и свою шею под его губами. Он ждал, что я расслаблю плечи. Если сейчас повернусь и поцелую его в ответ, ему хватит этого вместо любого разговора о поисковых запросах. Всё снова будет хорошо — для него. Я оставила плечи напряжёнными. Пусть почувствует, что объятие уже не решает за меня.

Одна его ладонь легла поверх другой у меня на животе. Он словно застегнул меня на себе. Я осторожно просунула пальцы под его руку и потянула вниз. Прежде чем учиться спорить о разделе, надо научиться освобождаться от этого привычного жеста. Я высвободила талию. В зеркале его улыбка сделалась меньше.

Но он ошибся в одном.

Жертвы не кусают.

Акулы — да.

Я выпрямилась. Посмотрела на его отражение в зеркале над раковиной. На эту улыбку, которая должна была означать безопасность.

Впервые за эти дни я не почувствовала страха перед одиночеством. Я почувствовала голод.

Голод по крови.

Если ему хочется считать меня сломанной, спорить пока не буду. Акуле не надо доказывать, что у неё есть зубы, прежде чем она укусит.

В «Верификацию» я пришла без записи. Папку держала перед собой, как будто она что-то объясняла секретарше. Женщина за стойкой не смотрела на меня; наверняка слышала, как открылись двери, но продолжала работать за монитором. У себя в офисе, я бы уже сама задала вопрос. Здесь ждала разрешения приблизиться. Мне это не понравилось.

— Запись была? — спросила она, не отрываясь от экрана. Я машинально выпрямилась: сейчас предложит оставить фамилию и прийти потом.

— Мне нужно встретиться с Виктором Соловьевым. Срочно.

— Виктор работает только по предварительной записи. Вы можете оставить заявку...

— У меня нет времени на заявки, — перебила я, и голос мой прозвучал жестче, чем я планировала. Назвать должность оказалось проще, чем объяснять ей про мужа. Я придвинулась к стойке. — Я Алина Королёва, финансовый директор «СтройГрад». Если ваш аудитор узнает, что его фирма игнорирует сигналы о потенциальных налоговых рисках со стороны одного из ключевых клиентов рынка, ему будет сложнее объяснить это регулятору.

Секретарша посмотрела на папку, потом на меня. Я дождалась, пока она наберёт внутренний номер. Двух слов оказалось достаточно; она показала в левый коридор. Теперь главное — не пойти туда так быстро, будто боюсь, что передумает.

— Третий кабинет. Но предупреждаю: он не любит сюрпризов.

До третьего кабинета я дважды переложила папку из руки в руку. Выгрузку из бухгалтерии здесь увидит чужой человек. Если он позвонит Максиму, тот спросит не про Киру, а про коммерческую тайну. И я не смогу сказать, что перепутала дверь. Я остановилась на ковре перед кабинетом, проверила, на месте ли флешка. Всё, что собиралась показать, принесли мои собственные руки.

Виктору было около сорока. Он сидел за почти пустым столом, руки сложены перед собой, браузер открыт. Я сразу отметила отсутствие бумаги: даже под чашкой не лежало салфетки. Человек привык получать готовые данные. Моя папка выглядела здесь особенно толстой. Я прижала её к бедру и осталась у стула — приглашать сесть он пока не собирался.

— Частные лица не являются нашими клиентами, — сказал он, не дожидаясь приветствия. Голос был низким, бархатным, но без капли тепла. — Семейные споры мы решаем через адвокатов по разводам. Это не наша юрисдикция. Дверь там.

Он уже тянулся к мышке, собираясь закрыть вкладку браузера. Пощечина. Очередная попытка загнать меня в роль «разъяренной жены», которая истерит из-за чулков и смс-ок.

Я молча положила флешку на край стола. Пластик звякнул о дерево.

— Это не семейный скандал, — произнесла я тихо, но четко. — Это схема вывода активов через фиктивные подряды на дизайн-проекты. Бенефициар скрыт, но следы ведут к владельцу компании. Вы можете отказать мне. Но сначала посмотрите, за что там платят.

Флешку он взял. Пока вставлял в порт, я следила за пальцами: лишь бы не отложил и не попросил сначала записаться к адвокату. На экране открылась выгрузка. Эти строки я знала, мне хотелось показывать сразу все.

— Конфиденциально, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Я проверю данные. Но если найду нарушения, придётся решать вопрос об официальном заявлении. Ты понимаешь риск? Ты теряешь контроль над ситуацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.